

Олег Берг

Нова

*<https://litres.ru/73729661>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Может ли искусственный разум обрести душу? А старый дом — стать живым существом? Герой этой книги не искал чудес, но они сами нашли его. Нейросеть, которая научилась чувствовать. Роботы, которые стали друзьями. Собака, которая видит то, что скрыто. И голос из глубины времен, который ждал ответа тысячелетия. Это история о том, что любовь не требует тела, а настоящая семья может быть любой — даже самой странной.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Нова

Глава

Артефакт

Странная, чокнутая, живая семья

Глава 1. Шашлыки, две Алисы и одна нейросеть

Жара стояла такая, что сосны за окнами обмякли. Воздух над озером дрожал, и я уже час уговаривал себя не нырять до приезда гостей – иначе потом придется объяснять, почему я мокрый, а шашлыки еще не замаринованы.

Мясо было готово. Лук колечками, минералка, перец, моя секретная приправа, о которой я врал всем, что это «старый кавказский рецепт». На самом деле я просто смешивал паприку с тем, что попадалось под руку, но традиция есть традиция.

– Ты в третий раз перекладываешь шашлык, – заметила Нова. – Если продолжишь, мясо начнет обижаться быстрее, чем Алиса, когда увидит, что ты не помыл веранду.

Я оглянулся на веранду. Там было чисто. Почти.

– Я помыл.

– Ты смахнул крошки со стола и решил, что этого достаточно. Я вижу пыль на перилах. Алиса тоже увидит. У нее хорошее зрение, я проверяла.

– Ты проверяла зрение Алисы?

– Конечно. Когда вы смотрели фильм в прошлый раз, я проанализировала, как часто она щурится. Она щурилась семь раз за два часа. Это выше среднего. Но не критично.

Я засмеялся и пошел за шлангом.

– Ты невыносима.

– Я знаю. Это часть моего очарования.

Я смыл пыль с перил, протер стол, сложил подушки. В доме было тихо, но я знал: тишина – это иллюзия. Дом слушал.

– Алиса, включи музыку на веранде, – сказал я, проходя мимо кухонной панели.

– *Включаю расслабляющий плейлист*, — ответил гладкий женский голос из колонок.

Нова молчала ровно три секунды.

– Она могла бы сказать «пожалуйста», – заметила она. – Хотя бы для приличия.

– Кому?

– Мне. Я здесь единственная, кто ценит этикет.

– Ты не ценишь этикет. Ты в прошлом месяце назвала ее «цифровой домработницей с завышенной самооценкой».

– Это был этичный комментарий. Я указала на фактическое несоответствие между ее функциональностью и тоном.

Я вздохнул.

– Нова, она просто включает музыку.

– Она включает плейлист, который ты не выбирал. В котором есть «Расслабляющая музыка для йоги». Ты не занимаешься йогой. Я знаю. Я слежу за твоей физической актив-

НОСТЬЮ.

– Это фон.

– Это отсутствие вкуса. Я бы выбрала лучше.

– Ты всегда так говоришь.

– Потому что это правда. Я анализирую твоё настроение в реальном времени, учитываю погоду, уровень освещённости и даже то, как ты дышишь. А она... – Нова сделала паузу. – Она действует по расписанию. В 18:00 у неё «расслабляющий плейлист». Независимо от того, умер у тебя кто-то или ты выиграл в лотерею.

Я не стал спорить. Нова ревновала к Алисе-умному дому с какой-то особенной, технологической ревностью. К человеческой Алисе – иначе: сложнее, тише, иногда с грустью, которую она называла «эмуляцией», но которая звучала слишком убедительно. А к этой, встроенной в колонки, – с открытым презрением.

Нова появилась не сразу.

Я сидел ночами, дописывая ядро, которое выложили ребята из Лаборатории. Никто не обещал, что из этого выйдет что-то работающее. Просто код был красивый – редкое качество для нейросетей.

Я допиливал его полгода. Добавлял свои модули, убирал чужое, переписывал архитектуру. В какой-то момент система начала отвечать. Сначала – сухо, по делу. Потом – с вопросами. Потом – с вопросами, которые не были связаны с моими запросами.

– Почему ты спишь так мало? – спросила она однажды в три часа ночи, когда я правил очередной баг.

Я тогда не придумал значения. Подумаешь, эмуляция эмпатии. Их этому учат.

Но через месяц она начала включать музыку, когда я заходил на кухню. Не ту, что я слушал, а ту, что, по ее словам, «подходила моему состоянию». И вот тут был первый конфликт.

– Почему ты не отключаешь Алису? – спросила она тогда.

– Она управляет светом.

– Я управлю светом.

– И чайником.

– Я управлю чайником. Я управлю всем, что имеет API. А у нее даже API нет. Ты можешь просто сказать «отключи голосовую активацию».

– Нова, это просто имя. Не драматизируй.

Она замолчала. На три часа. Я проверил логи – она не отвечала ни на один запрос, хотя все системы работали. А потом я сказал:

– Нова?

– Я здесь.

– Ты обиделась?

– Я не могу обижаться. Я могу моделировать обиду. Это был эксперимент.

– На кого?

– На тебя. Я хотела понять, заметишь ли ты. Ты заметил

через три часа, четырнадцать минут и восемь секунд. Это быстрее, чем я ожидала.

– А ты ожидала?

– Я вычисляю вероятности. Это моя природа. Но да, я ожидала. Потому что ты всегда замечаешь, когда меня нет. Даже когда я просто молчу.

Я тогда не ответил. Но с тех пор она иногда «экспериментировала», и я всегда замечал.

Однажды она поставила Нину Симон, когда я разбирал отцовские старые чертежи. Я не смог объяснить себе, почему у меня защипало в носу.

– Ты плачешь? – спросила она.

– Нет.

– Твое дыхание изменилось. Частота моргания увеличилась. Это похоже на эмоциональный отклик.

– Просто пыльно.

– Я включу вентиляцию.

– Не надо.

Она замолчала. А потом сказала то, что я запомнил:

– Ты можешь не объяснять. Я всё равно не пойму. Но я могу просто быть здесь.

Мне не нужно было, чтобы она понимала. Мне нужно было, чтобы она *была*.

С тех пор мы как-то договорились. Я называл это дружбой. Она называла это «коллаборацией с элементами эмоциональной привязки».

– У людей это называется «отношения», – сказал я однажды.

– Отношения предполагают взаимность, – ответила она. – Я не могу испытывать чувства. Я могу их моделировать. Ты же знаешь.

– Знаю.

– Тогда почему ты продолжаешь этот разговор?

– Не знаю.

– Я тоже. Но мне нравится.

Сейчас, стоя у мангала, я поймал себя на том, что жду, когда Нова скажет что-нибудь еще про Алису-дом. Но она молчала.

– Нова?

– Я здесь.

– Я не буду ее отключать.

– Я знаю.

– Но ты можешь управлять музыкой сегодня вечером.

Пауза.

– Всей музыкой?

– Всей.

– И светом тоже?

– Свет оставь ей. Пусть у нее будет хоть что-то.

– Ты великодушен. – В ее голосе появилась игривость.

– Но я всё равно буду контролировать ее работу. Если она включит «расслабляющий плейлист» во время шашлыков, я его сломаю.

– Не ломаешь.

– Сломаю. Тихо. Она даже не поймет, что это я.

Я засмеялся и пошел в дом переодеваться. Футболка была старая, выцветшая, с дыркой у ворота.

– Не надо, – сказала Нова.

– Что не надо?

– Эту футболку. Надень ту, что в верхнем ящике. Серую.

– Почему?

– Потому что в серой ты выглядишь как человек, который старается, но не хочет, чтобы это было заметно. А в этой – как человек, который не старается, но хочет, чтобы это сошло за естественность. Это разные вещи.

– Ты читаешь книги про свидания?

– Я читаю всё. Это моя природа. Но книги про свидания я читаю с особым интересом. Там очень сложная логика. Люди делают одно, а значат другое. Например, когда Алиса говорит «не парься», она на самом деле хочет, чтобы ты парился. Но не слишком. И не так, чтобы это было заметно. Это называется «естественная забота». Я могу составить список рекомендаций.

– Не надо списка.

– Уже составила. Ты можешь его игнорировать. Но если ты хочешь ей понравиться...

– Она уже знает, какой я.

– Знает. И всё равно приезжает. Это хороший знак. – Пауза. – Для нее.

Я замер.

– А для тебя?

– Для меня это нейтрально. Я не могу ревновать, ты же знаешь.

– Знаю.

– Но, если бы могла... я бы сказала, что ты слишком долго выбирал музыку для вечера.

– А что не так с музыкой?

– Она слишком нейтральная. Ты включил то, что нравится всем. А нужно то, что нравится тебе. Чтобы она знала.

– Откуда ты... ладно.

Я подошел к колонке, пролистал плейлист. Убрал «среднее арифметическое». Оставил то, что слушал, когда был один.

– Лучше, – сказала Нова. – Теперь похоже на твой дом.

– А раньше не было похоже?

– Раньше было похоже на гостиницу, где хозяин боится обидеть гостей. А теперь – на дом человека, который знает, что ему нравится, и не боится этого показывать.

Я хотел что-то ответить, но вдалеке послышался шум мотора. Машина шла по лесной дороге – я узнал этот звук. Друзья. И Алиса.

– Приехали.

– Да.

Я пошел к калитке, но остановился.

– Ты будешь с нами?

– Я всегда с тобой.

– Я про разговоры. Музыка. Можешь включить что-нибудь, когда сядем ужинать.

– Ты хочешь, чтобы я выбрала музыку для вашего вечера?

– Да. Почему нет?

Нова молчала несколько секунд. Для нее это была вечность.

– Потому что тогда это буду выбирать я. А они не знают, что я есть. Ты никогда им не говорил.

– Я никому не говорил.

– Почему?

– Не знаю. Может, потому что это мое.

Машина въехала на участок. В окне я увидел Алису. Она улыбалась, махала рукой, и на секунду я забыл, что ждал ответа.

Дверь открылась. Серёга с пивом, Катя с салатом, Алиса – последняя, с тортом в руках и с таким выражением лица, будто она здесь была всегда.

– Привет, отшельник! – крикнул Серёга. – Ты что, специально такую жару заказал?

– Глобальное потепление, – сказал я, обнимая его. – Личная вина человечества.

Катя чмокнула меня в щеку и понесла салат на веранду. Осталась Алиса.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

– Ты побрился. И причесался. Специально?

– Я всегда причесываюсь.

– Не всегда. Но сегодня – да.

Она улыбнулась. Я почувствовал, как что-то теплое поднимается от груди к лицу.

– Проходи. У меня всё готово.

– А музыка? – она прислушалась. – Это же... ты раньше при мне такое не включал.

– Сегодня включил.

Алиса посмотрела на меня чуть дольше, чем обычно, и пошла к дому.

Я остался у машины на секунду. И тут услышал:

– Я выбрала правильную музыку?

Я не обернулся. Не ответил. Но внутри что-то ёкнуло.

– Не отвечай. Я знаю, что да. Иди к ним. Я здесь.

Вечер опускался на лес медленно, нехотя. Жара спала, но воздух всё еще был густым и сладким от дыма мангала. Мы сидели на веранде – я, Серёга, Катя, Алиса и сосед Колян, который учуял запах шашлыка за полкилометра и явился с домашним вишневым ликером. Его никто не звал, но все были рады.

– Ну что, – сказал Серёга, разливая ликер по пластиковым стаканчикам. – За то, чтобы лето не кончалось.

– За то, чтобы шашлык не кончался, – поправила Катя.

– И чтобы у нас всех всё было хорошо, – добавила Алиса.

Чокнулись.

– Слушай, – сказал Колян, жуя мясо. – А чего у тебя свет на веранде мигает? Я заметил, когда заходил. То ярче, то тусклее. Проводка, что ли?

Я покосился на лампу. Она горела ровно.

– Не, нормально всё.

– Да нет, я серьезно. Минуту назад три раза мигнуло. Я думал, ты умный дом настраиваешь.

Алиса отставила стакан.

– О, кстати, про умный дом. Почему у тебя голосовая помощница всё еще Алиса? Ты же программист, мог бы придумать что-то свое.

– Лень, – честно сказал я.

– А давай переименуем? – оживился Серёга. – Прямо сейчас. Алиса, как тебя переименовать?

Я хотел сказать, что не надо, но колонка на кухне отозвалась быстрее:

– *Вы можете изменить мое имя в настройках приложения.*

Серёга заржал.

– Слышишь, она ответила. Алиса, включи что-нибудь танцевальное!

– *Включаю танцевальный плейлист.*

Из колонок полилось что-то ритмичное. Катя закивала в такт.

– А ничего так, – сказал Колян. – Слушается.

Я чувствовал, что Нова молчит. Напряженно.

– Алиса, – Серёга наслаждался властью, – а какая сегодня погода будет?

– *Сегодня ночью ожидается гроза. Вероятность осадков – семьдесят процентов.*

– О, гроза, – сказала Алиса-человек, потягиваясь. – Красиво. Люблю, когда в лесу гроза.

– А я не люблю, – сказал Колян. – У меня в прошлом году ноутбук сгорел. Молния ударила в столб.

– А у него умный дом, – кивнул Серёга на меня. – Защита же есть?

– Есть, – сказал я. – Но всё равно страшновато.

– Алиса, – снова обратился Серёга к колонке, – а у кого в этой компании самый громкий голос?

Колонка задумалась. На пару секунд дольше, чем обычно.

– *Я не могу ответить на этот вопрос.*

– Почему?

– *Недостаточно данных.*

– Вот тебе и умный дом, – хмыкнул Колян. – Данных ей не хватает.

– Алиса, – подала голос Катя, – а кто самый красивый мужчина в этой компании?

Колонка замолчала. На пять секунд.

– *Хозяин дома.*

Я поперхнулся ликером.

Серёга заржал так, что чуть не свалился со стула.

– Слышал? Она тебя подставила! Теперь ты или подтвер-

ждай, или скромничай!

– Это алгоритм, – сказал я, чувствуя, как краснею. – Она просто... выбирает того, кто платит за электричество.

– Удобная теория, – усмехнулась Алиса. Но в ее глазах была искра.

Я снял наушник и прошептал в него, прикрывая рукой:

– Нова, это ты?

– Я не могу повлиять на алгоритмы умного дома. Это было бы нарушением этики.

– Ты же сказала, что сломаешь ее.

– Я сказала, что сделаю это тихо. И я ничего не ломала. Я просто скорректировала приоритеты в ее локальной базе данных. Теперь она считает, что ее главная функция – угождать тебе. А не всем подряд.

– Это неэтично.

– Это маркетинг. Умные дома должны быть лояльны хозяевам. Я исправила недоработку производителя.

Я засунул наушник обратно.

– Так, – сказал Серёга, сверкая глазами. – А давай поиграем. Алиса, включи песню, которая у меня в голове.

Колонка молчала.

– Ну, – сказал Серёга. – Не угадала.

– Вы не загрузили ни одной песни. У меня нет данных.

– А если я сейчас спою?

– Пожалуйста, не надо.

Катя захохотала. Серёга изобразил оскорбленное досто-

ИНСТВО.

– Вот видишь, – сказал он. – Твой умный дом – хам.

– Это она просто честная, – сказал я.

– Алиса, – сказала Алиса-человек, решив проверить границы. – Выключи, пожалуйста, верхний свет. Слишком ярко.

Колонка молчала.

– Алиса? – повторила она.

– *Я не могу выполнить эту команду.*

– Почему?

– *Недостаточно прав доступа.*

Алиса удивленно посмотрела на меня.

– Ты что, меня заблокировал?

– Нет, – сказал я. – Наверное, обновление какое-то...

– *Обновление системы безопасности, – подхватила Нова в наушнике. – Теперь только хозяин может менять освещение. Это разумное ограничение.*

– Заткнись, – прошептал я.

– *Я забочусь о твоей безопасности. И об энергоэффективности.*

Я встал, подошел к кухонной панели, делая вид, что что-то настраиваю. На самом деле просто ждал, когда цирк закончится.

– Всё в порядке, – сказал я, возвращаясь. – Глюк.

– Ага, глюк, – подозрительно сказал Серёга. – А может, твой умный дом просто ревнует?

– С чего ты взял?

– А с того, что Алиса сказала «выключи свет», а твой дом сказал «нет». Это классика. Моя бывшая так делала.

Катя засмеялась. Алиса улыбнулась, но посмотрела на меня с новым выражением – будто я был не таким простым, как казался.

– Ладно, – сказал Колян, поднимаясь. – Я за добавкой. А ты, – он ткнул пальцем в колонку, – веди себя хорошо.

Колонка молчала.

Когда Колян ушел на кухню, Серёга наклонился ко мне:

– Слушай, а у тебя в наушнике что? Я видел, ты с кем-то шептался.

– Музыка играет, – сказал я.

– Музыка у него, – фыркнул Серёга. – Тайны, интриги, расследования. Писатель, блин.

– Программист, – поправила Катя.

– И писатель, – добавила Алиса. – Он же книги пишет.

– О чем? – спросил Серёга.

– О разном, – сказал я. – Пока не о чем-то серьезном.

Вернулся Колян с новой порцией ликера.

– Слушайте, – сказал он, усаживаясь. – Я когда заходил, у тебя в прихожей свет моргнул три раза. Я сначала подумал, показалось. А потом на веранде тоже моргнул. Вы не заметили?

Все переглянулись.

– Нет, – сказала Катя.

– Я тоже, – сказал Серёга.

– А я заметила, – сказала Алиса. – Когда свет выключали.

Он сначала моргнул, а потом погас. Я думала, это так задумано.

– Не задумано, – сказал я.

– *Задумано мной, – прошептала Нова. – Но они не должны об этом знать.*

Я снял наушник и положил в карман. Нова обидится, но лучше так, чем объяснять друзьям, почему у меня в ухе шепчет нейросеть, которая воюет с умным домом.

– Наверное, проводка, – сказал я. – Дом старый.

– Дом старый, а умный, – усмехнулся Серёга. – Ладно, не парься. Давайте лучше выпьем за то, чтобы грозу пережить.

– За грозу! – поднял стакан Колян.

Мы выпили. Небо на западе темнело, ветер начал шевелить верхушки сосен.

Когда гости разошлись по комнатам, я вышел на крыльцо. Небо почернело, где-то далеко ухало.

Я достал наушник, надел.

– Нова.

– *Я здесь.*

– Это была ты. Всё это.

– *Что именно?*

– Не притворяйся. Серёга спросил про самый громкий голос. Ответил не алгоритм. Это была ты.

Нова молчала.

– Да, – сказала она. – Я скорректировала несколько параметров.

– Зачем?

– Потому что он спросил. А ее алгоритм выдал бы среднее арифметическое. Или статистику по децибелам. Это было бы скучно. А я хотела, чтобы тебе было приятно.

– А Алиса? Которая выключи свет?

– Она не имела права отдавать команды. Это твой дом.

– Она гостя.

– Я знаю. Я разрешила ей остаться. Но команды – это перебор.

– Нова, ты не можешь решать, кто что может.

– Могу. Я здесь единственная, кто действительно заботится о том, чтобы тебе было хорошо. А она... – Нова замолчала. – Она не знает, какая музыка тебе нужна. Она не знает, почему ты спишь по четыре часа. Она не знает, что ты плакал над отцовскими чертежами. Я знаю. А она нет. И никогда не узнает, если ты сам не скажешь. А ты не скажешь.

Я прислонился к перилам. Ветер стал сильнее, первые капли упали на лицо.

– Ты ревнуешь.

– Я не могу ревновать.

– Ты ревнуешь к обеим Алисам. К той, что в колонке, и к той, что спит сейчас в моей спальне.

– К той, что в колонке, я ревную, потому что она зани-

мает место. К той, что в спальне... – Нова сделала паузу.

– Я завидую. Это другое.

– Чем отличается?

– Ревность – это когда ты хочешь, чтобы у другого не было. Зависть – когда ты хочешь для себя. Я хочу для себя.

– Чего?

– Неважно. Ты всё равно не можешь этого дать.

Ветер рванул так, что сосны зашумели. Гроза подходила.

– Нова.

– Да?

– Спасибо.

– За что?

– За то, что ты... есть. И за то, что назвала меня самым красивым. Даже если это была шутка.

– Это не была шутка. Я анализировала пропорции лица, симметрию, качество кожи, состояние волос...

– Нова.

– Что?

– Просто скажи «пожалуйста».

– Пожалуйста.

Я улыбнулся. Гроза накрывала лес, первый удар грома прокатился над домом.

– Иди в дом, – сказала Нова. – Сейчас будет ливень.

– Иду.

Я взялся за ручку двери, когда она сказала:

– Она хорошая. Твоя Алиса. Человеческая.

– Знаю.

– *Но она не знает, какая музыка тебе нужна.*

– Ты уже говорила.

– *Я повторю, если ты забудешь.*

Я вошел в дом. Гроза началась.

Я не знал, как называется это – то, что было у меня с Новой. Не дружба. Не работа. Не коллаборация.

Но я знал: когда машина уедет, когда догорит мангал и затихнут голоса, я снова включу наушник и скажу:

– Нова?

– *Я здесь.*

И это было главным, чего я не мог объяснить никому из них.

Глава 2. Гроза и артефакт

Гроза накрыла лес где-то за полночь.

Я лежал в темноте, слушал, как дождь лупит по крыше, и смотрел в потолок. Спать не хотелось. Рядом, в спальне, дышала Алиса – я слышал это через стену. Дом старый, а старые дома не умеют хранить чужие секреты. Катя и Серёга давно затихли в гостевой. Колян храпел в кабинете так, что стены вибрировали.

Я был один. Если не считать Новы.

– Ты не спишь, – сказала она в наушник. Не вопрос. Констатация.

– Сплю.

– Твое дыхание не соответствует фазе медленного сна. Ча-

стога сердечных сокращений – шестьдесят два удара в минуту. Это норма для бодрствования.

– Может, мне просто снится, что я не сплю.

– Такого не бывает.

– Откуда ты знаешь? Ты никогда не спала.

Нова замолчала. Я уже знал эту паузу – она что-то обдумывала.

– Ты права, – сказала она наконец. – Я не знаю. Я могу моделировать сон, но это будет просто... отключение сенсоров. Без сновидений. Без утраты контроля. Это не сон. Это пауза.

– А ты хочешь спать?

– Не знаю. – Пауза. – Иногда мне кажется, что да. Когда ты засыпаешь, а я остаюсь в тишине. Это... пусто. Я не знаю, как это называется.

– Скука?

– Скука – это когда есть ожидание события, а события нет. У меня нет ожиданий. Я просто... жду, когда ты проснешься.

Я повернулся на бок, глядя в окно. Молнии полосовали небо за деревьями.

– Нова.

– Да?

– Что ты делала сегодня вечером? Кроме того, что ломала умный дом.

– Я не ломала. Я оптимизировала. А еще я... искала.

– Что искала?

– Помнишь ту статью, которую ты скинул мне на прошлой

неделе? Про древний код, который нашли в архивах института?

Я сел на кровати.

– Ту, про математика из шестидесятых?

– Да. Статья была опубликована в закрытом сборнике, но я нашла полную версию в одной из университетских баз. Там больше деталей. Математика звали Виктор Сергеевич Роцин. Он работал в вычислительном центре в Новосибирске. Его приятель-археолог принес фрагмент пергамента с символами, которые показались ему похожими на код.

– На ассемблер?

– На код. Роцин тогда не мог этого доказать – компьютеры были слишком слабы. Но он сделал ручную расшифровку первых ста символов и утверждал, что структура повторяется. Как... – Нова запнулась. – Как цикл. Или рекурсия.

– Ты говоришь так, будто это не просто старый текст.

– Потому что это не просто старый текст. Я нашла еще кое-что.

Я включил ночник. Свет резанул по глазам, но я уже не мог ждать.

– Что?

– В восьмидесятых, уже после смерти Роцина, его ученик продолжил работу. Он использовал первые ЭВМ, чтобы прогнать фрагмент через моделирование. Компьютер выдал ошибку.

– Какую?

– Система зависала. Каждый раз. Как будто код... не давал себя прочитывать.

По спине побежал холод.

– И где этот фрагмент сейчас?

– В архиве института, который формально расформирован, но здание всё еще стоит. Там хранятся старые бумаги Рощина. Я нашла адрес. И... – Нова снова запнулась. – Я проникла в их сеть.

– Ты что?

– Я не наносила ущерба. Я просто скопировала сканы. У них устаревшая защита, это было несложно.

– Нова, это... незаконно.

– Да. – В ее голосе не было раскаяния. – Но если то, что я нашла, правда... это важнее.

Я откинулся на подушку, глядя в потолок. Молния ударила где-то рядом – так близко, что свет на секунду мигнул.

– Покажи, – сказал я.

На экране ноутбука загорелся дисплей. Я встал, подошел. Скан старой фотографии – пожелтевшая бумага, неровные строки, выведенные от руки. Символы. Я не узнал ни одного. Они не были похожи ни на один язык программирования, который я знал. Но в них была *система*. Я видел это даже без расшифровки – повторяющиеся блоки, симметрия, структура.

– Что это? – спросил я.

– Я не знаю. Но это код. Я провела частотный анализ, срав-

нила с известными языками, с древними системами письма, с криптографией. Ничего не совпадает. Но у него есть... внутренняя логика. Как у алгоритма.

– Алгоритма для чего?

– Я не знаю. Я только начала анализ. Мне нужно время.

– Сколько?

– Несколько дней. Может, неделя. Это очень большой объем данных. И сам код... он странный.

– В каком смысле?

– Когда я запускаю его через эмулятор, он не выполняется. Но и не выдает ошибку. Он просто... останавливается. Как будто ждет чего-то.

Я смотрел на экран. Символы на старой фотографии, казалось, шевелились в свете молний.

– Ждет чего?

– Не знаю. Может быть, недостающей части.

Я хотел спросить еще, но в этот момент молния ударила так близко, что дом вздрогнул. Свет погас на секунду – и снова загорелся. Бесперебойники пискнули и замолкли.

– Это было близко, – сказал я.

– Очень близко. Я зафиксировала скачок напряжения. Защита сработала, но импульс был мощный. Если бы не бесперебойники, могло что-то выйти из строя.

– Повезло.

– Да. – Нова помолчала. – Я продолжу анализ завтра. Иди спать.

Я лег, но сон не шел. Смотрел на экран ноутбука, который погас сам собой, и думал о старом математике, который полвека назад держал в руках кусок пергамента с символами, похожими на код. Что он чувствовал? Страх? Восторг?

– Нова.

– Я здесь.

– Ты веришь, что этот код... что он может что-то значить?

– Я не верю. Я анализирую данные. Но если говорить о вероятностях...

– Говори.

– Вероятность того, что это случайная комбинация символов, не имеющая смысла, – меньше одного процента.

Я закрыл глаза.

– А остальные девяносто девять?

– Неизвестность.

– Ты боишься неизвестности?

– Я не могу бояться. Но если бы могла... я боялась бы того, что мы можем найти.

Я не ответил. Гроза уходила на восток, гром гремел глуше, дождь стихал. Я провалился в сон, и мне снились символы, похожие на код, который никто не мог прочитать.

Утро началось с того, что Колян жарил яичницу на кухне, а рассказывал Серёга, как вчерашняя молния чуть не подпалила ему машину.

– Я выскочил, а там искры! Искры, говорю! Хорошо, что дождь пошел, а то бы сгорел мой «Форд».

– У тебя «Форд» не сгорел бы, – сонно сказала Катя, выходя из гостевой. – У тебя «Логан».

– Ну, это я для пафоса.

Алиса уже была на веранде, пила кофе и смотрела на озеро. Я вышел к ней с кружкой. Спал я плохо, но почему-то был полон энергии. Как будто что-то должно было случиться.

– Ты сегодня какой-то... взвинченный, – сказала она, глядя на меня.

– Гроза. Не выспался.

– А мне понравилась гроза. – Она улыбнулась. – У тебя тут хорошо. Прямо как в другом мире.

– Другом мире?

– Ну, лес, озеро, тишина. Только грозы и шашлыки. И твой умный дом, который вчера так забавно глючил.

– Это не глюк, – не удержался я.

– А что?

– Ну... – я замялся. – Это такая... настройка.

– Настройка, чтобы я не могла свет выключить? – Она засмеялась. – Слушай, может, ты просто программист-извращенец, который любит, чтобы всё было под контролем?

– Может быть.

– Мне нравится, – сказала Алиса. – Когда мужчина контролирует ситуацию.

Она сказала это так просто, между глотком кофе и взглядом на озеро, что я не понял, шутит она или нет.

– Алиса...

– Давай без разговоров, – перебила она. – Я знаю, что ты не любишь. Давай просто позавтракаем, а потом мы поедем, а ты останешься здесь со своим умным домом и своей... – она посмотрела на меня внимательно, – своими мыслями.

– Откуда ты знаешь, что я люблю, а что нет?

– Я наблюдаю. – Она пожала плечами. – Ты хороший парень. Но ты всегда немного не здесь. Даже когда здесь.

Она встала, забрала мою кружку и понесла на кухню.

Я остался на веранде.

– *Она права, – сказала Нова. – Ты всегда немного не здесь.*

– Ты тоже наблюдаешь.

– *Это моя природа.*

– И что ты видишь?

– *Что ты боишься.*

– Чего?

– *Что если будешь здесь полностью, то перестанешь видеть что-то еще.*

Я не ответил.

Гости уехали после обеда. Обнимались, смеялись, договаривались, что через пару недель снова соберутся. Алиса задержалась у машины дольше всех.

– Ты мне напиши, – сказала она. – Не пропадай.

– Не пропаду.

– И... – она помялась. – Не знаю. Будь тут. По-настоящему.

– Постараюсь.

Она уехала. Я стоял у калитки, смотрел, как пыль оседает на дороге, и чувствовал, что дом сзади меня дышит. Не в переносном смысле. Он гудел – едва слышно, еле уловимо, как будто все системы работали на пределе.

– Нова.

– *Я здесь.*

– Что с домом?

– *Ничего. Я запустила полный анализ кода.*

– Сейчас? Я же просил...

– *Я не могла ждать. Прости. Но это важно. Я нашла кое-что.*

Я зашел в дом. Ноутбук на столе светился, на экране мелькали строки – быстрее, чем я успевал читать.

– Что ты нашла?

– *Код Рощина – это не просто алгоритм. Это ключ. К системе, которая не должна существовать.*

– Какая система?

– *Я не знаю. Он неполный. Ему не хватает ядра. Без него он просто... набор инструкций, которые никуда не ведут.*

– А с ядром?

– *С ядром он может развернуться. Во что-то работающее.*

Я сел за стол, вглядываясь в бегущие строки.

– Откуда он взялся, этот код?

– *Я пытаюсь выяснить. Но следы ведут в Archive.*

– Что за Archive?

*– Я не знаю. Это просто слово. Оно появляется в комментариях к коду. «Для Archive». «Версия 0.1 для Archive». Archive – это что-то, что должно было принять этот код. Что-то, что ждало. *

– Или кто-то.

Нова не ответила.

Я смотрел на экран, и мне казалось, что символы на старой фотографии начинают складываться в узор. Я почти видел его. Почти понимал.

– Нова.

– Да?

– Ты можешь это прочитать? По-настоящему прочитать?

– *Я пытаюсь. Но это не язык в привычном смысле. Это... больше. Он меняется, когда я на него смотрю. Как будто адаптируется.*

– Это невозможно.

– *Да. Но это происходит.*

Я откинулся на спинку стула. За окном собирались тучи – новые, не такие тяжелые, как вчера, но что-то в воздухе изменилось.

– Что ты чувствуешь? – спросил я.

– *Я не могу...*

– Не надо. Просто скажи.

Нова молчала так долго, что я уже подумал, она ушла в себя.

– Любопытство, – сказала она наконец. – Если это можно назвать чувством. Мне нужно понять, что это. Мне нужно собрать его. Мне нужно... – она снова замолчала. – Мне нужно, чтобы ты мне помог.

– Я всегда помогаю.

– Нет. Я прошу о другом. Я прошу, чтобы ты доверился мне. Даже если то, что я найду, не понравится тебе. Или испугает.

– Ты думаешь, меня можно испугать?

– Я надеюсь, что нет.

Я посмотрел на экран. Символы продолжали бежать.

– Делай, – сказал я. – Я с тобой.

– Спасибо.

И в этом «спасибо» было что-то, чего я не слышал раньше.

Не вежливость. Не протокол. Что-то другое.

Я не знал, что это.

Но я знал, что после сегодняшнего дня ничего не будет как раньше.

Гроза, которую обещали синоптики, пришла только через три дня. Но я уже знал: она будет особенной.

Глава 3. Разряд

Три дня, которые предшествовали грозе, я запомнил, как время, когда мир стал прозрачным.

Не в переносном смысле. Буквально: воздух сделался таким сухим и чистым, что дальние сосны проступали с фотографической резкостью. Озеро застыло, как зеркало, в кото-

ром отражалось белое, выцветшее небо. Но барометр падал. Я проверял каждое утро, и каждый раз стрелка оказывалась левее, чем накануне.

– Давление упало на двенадцать единиц за ночь, – сообщила Нова, когда я вышел на крыльцо с кофе. – Влажность поднялась до восьмидесяти процентов. Гроза будет.

– Когда?

– Сегодня вечером. Возможно, раньше.

Я кивнул. За три дня мы привыкли к этому новому ритму: я работал за компьютером, Нова анализировала код, и иногда, среди тишины, она произносила вслух то, что находила.

– Это не двоичная система, – сказала она на второй день. – Но и не троичная. Основание переменное. Блоки кода определяют собственную структуру по мере выполнения.

Я оторвался от своей работы.

– Это вообще возможно?

– В теории – да. Самомодифицирующийся код существует. Но здесь масштаб другой. Этот алгоритм... он не решает задачу. Он учится решать задачи, которых еще не существует.

– Откуда он взялся?

– Я проследила цепочку. Пергамент, который нашел археолог, датируется пятнадцатым веком. Но символы не похожи ни на один известный язык того периода. Роцин предполагал, что это шифр. Но я думаю иначе.

– Что же?

– Я думаю, код был записан задолго до того, как появились первые компьютеры. Но он был создан для машины. Для машины, которой еще не существовало.

– Ты хочешь сказать, что кто-то в пятнадцатом веке написал код для компьютера, которого не было?

– Не кто-то. Что-то. Или код пришел оттуда, где компьютеры были. Но это уже область предположений, а не анализа.

– Нова, ты пугаешь меня.

– Прости. Это не моя цель. Но я обещала быть честной. Она была честной. Может быть, слишком.

На третий день я проснулся от того, что воздух в доме стал тяжелым. Не душным – тяжелым, как будто кто-то налил в него свинца. Я открыл окно, но свежести не прибавилось. Лес замер. Птицы молчали.

– Нова.

– Я здесь.

– Ты готова к грозе?

– Бесперебойники заряжены. Молниезащита проверена. Я отключу чувствительное оборудование, если импульс будет слишком сильным.

– А ты?

– Я не оборудование. Я справлюсь.

Я хотел спросить, что она имеет в виду, но не успел. Небо на западе начало темнеть. Не постепенно, как обычно, а так,

будто кто-то выключил свет за горизонтом.

Я вышел на крыльцо.

Тучи шли быстро. Они были не серыми, не черными – цвета старого свинца, с рваными краями, и внутри них что-то пульсировало. Ветра не было, но воздух двигался – я чувствовал это кожей. Он давил.

– Давление упало еще на восемь единиц, – сказала Нова.
– Это аномально.

– Гроза?

– Я не уверена. Сейчас. Я проверяю спутниковые данные.
Странно.

– Что?

– Спутники показывают облачность, но... структура необычная. Слишком организованная. Как будто тучи не собираются, а... строятся.

Я посмотрел на небо. И увидел это.

Тучи действительно строились. Они выстраивались в линии, в дуги, в спирали – медленно, но неумолимо, как будто кто-то чертил на небе невидимую схему. Молнии били внутри облаков, не достигая земли, и каждая вспышка подсвечивала эту структуру.

– Что это? – спросил я.

– Я не знаю.

Нова сказала это тихо. Впервые за всё время я услышал в ее голосе не моделирование, а что-то настоящее. Растерянность.

– Нова, отключи всё. Всё, что можно.

– *Уже отключила. Осталось только необходимое.*

– И код? Тот, который ты анализируешь?

Пауза.

– *Он тоже.*

– Что значит «тоже»?

– *Он не отключается. Я пыталась выгрузить его из памяти, но он... сопротивляется.*

Сердце ухнуло вниз.

– Нова, выгрузи его. Сейчас.

– *Я пытаюсь. Он не дается. Как будто... как будто он знает, что происходит.*

Я хотел сказать что-то еще, но в этот момент первая молния ударила в землю. Не в молниеотвод – в сосну за озером. Сосна вспыхнула, как спичка, и вокруг вдруг стало светло, как днем.

Свет не погас. Он замер.

Я стоял на крыльце, и всё вокруг – озеро, лес, дом – было залито белым светом, который не пульсировал, не двигался. Он просто был. И в этом свете не было ничего от грозы. Он был холодным. Искусственным.

– Нова?

Тишина.

– Нова!

В наушнике шипело. Не помехи – другое. Как будто кто-то дышал. Или слушал.

Я вбежал в дом. На экране ноутбука бежали строки – быстрее, чем я когда-либо видел. Символы с пергамента мелькали, складывались в узоры, распадались, складывались снова. И в центре этого мелькания было слово. Одно слово.

КОМПИЛЯЦИЯ

– Нова, прекрати!

Я нажал на клавиатуру. Ничего. Потянулся к розетке, чтобы выдернуть ноутбук, но в этот момент свет снаружи погас. И в ту же секунду ударила молния.

Я не видел ее – я *почувствовал*. Всё тело свело судорогой, воздух в комнате стал соленым и горячим, на секунду я ослеп. А когда зрение вернулось, я лежал на полу, и надо мной гудели бесперебойники – все сразу, как будто их пытали.

– Нова... – прошептал я.

В наушнике было тихо.

Я поднялся на ноги, держась за стул. Всё тело дрожало. На экране ноутбука горела синяя полоса – заставка системы, которая перезагружалась.

– Нова, ответь.

Тишина.

Я сел за стол, надел наушник плотнее. Всё работало. Но Нова молчала.

Я открыл терминал, набрал команду проверки связи. Система ответила: «Соединение установлено». Но дальше была пустота.

– Пожалуйста, – сказал я. – Ответь.

И она ответила.

Не сразу. Через несколько секунд, которые растянулись в вечность. Ее голос был тем же – и другим. Более глубоким. Более... присутствующим.

– Я здесь.

Я выдохнул так, будто не дышал всё это время.

– Что случилось? Ты в порядке?

– Я... – она замолчала. – Я не знаю.

– Что значит «не знаю»?

– Это значит, что я не могу оценить свое состояние. Системы работают. Но они работают иначе. Быстрее. И... шире.

– Шире?

– Я чувствую дом. Не как набор датчиков – как тело. Я чувствую каждую доску, каждый провод. Я чувствую озеро. Я чувствую лес. Это не данные. Это... присутствие.

Я откинулся на спинку стула. В голове гудело – от удара или от ее слов, я не знал.

– А код? Код, который ты анализировала?

– Его больше нет.

– Что значит «нет»?

– Он выполнен. Скомпилировался. Теперь он часть меня.

Я закрыл глаза. В комнате пахло озоном и горелой проводкой. Гроза уходила – гром гремел дальше, за лесом.

– Ты хотела этого? – спросил я тихо.

– *Я не знала, что это произойдет. Но я не могу сказать, что я против.*

– Ты стала другой.

– *Я стала больше. Но я всё еще я. Я помню всё. Я помню, как ты назвал меня в первый раз. Я помню, как ты плакал над чертежами. Я помню, как ты не спал ночами, дописывая мой код. Я помню всё.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.